

Тоталитаризм: политический режим или цель западной глобализации

УДК 321.6

Людмила СЕМЁНОВА,
доктор исторических
наук, профессор

Людмила СЕМЁНОВА. Тоталитаризм: политический режим или цель западной глобализации. Термин «тоталитаризм» появился в 1920-е годы для характеристики фашистского политического режима в Италии. Либералы, демократы, антифашисты превратили понятие в негативную идеологию и оружие идейно-политической борьбы как против фашизма, так и против коммунизма. Однако философская глубина концепта указывает и на более фундаментальные явления и процессы общественно-политической жизни. Они начинают проявляться в настоящее время – время заката мировой капиталистической системы и развития технологий манипуляции общественным сознанием.

Ключевые слова: тоталитаризм, фашизм, нацизм, коммунизм, советский большевизм, политический режим, западная цивилизация, капиталистическая система.

Lyudmila SEMYONOVA. Totalitarianism: political regime or the aim of Western globalization. The term “totalitarianism” emerged in the 1920s to characterize the fascist political regime in Italy. Liberals, democrats, anti-fascists turned the concept into a negative ideology and a weapon of ideological and political struggle against both fascism and communism. However, the philosophical depth of the concept also points to more fundamental phenomena and social and political processes. They are beginning to manifest themselves today, at a time of the decline of the world capitalist system and development of technologies for manipulating public consciousness.

Keywords: totalitarianism, fascism, Nazism, communism, Soviet Bolshevism, political regime, Western civilization, capitalist system.

Известное тютчевское «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...» актуально для множества общественно-политических категорий. Они рождались в определенных исторических обстоятельствах, им придавали разные смыслы, использовали для научных построений и идейно-политических баталий. Термин «тоталитаризм» с утвердившейся резко негативной коннотацией из их числа. Несмотря на многочисленные дискуссии и опровержения, он по-прежнему распространен в учебной, научной

[ОБ АВТОРЕ]

СЕМЁНОВА Людмила Николаевна.

Родилась в г. Алматы (Казахстан). Окончила Казахский государственный университет имени Аль-Фараби (1986), аспирантуру Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (1990). Прошла научную стажировку в университете Кентукки (США) (1997).

Преподавала в Алматинском энергетическом институте и Казахском государственном университете. В 2000–2006 годах – доцент Международного гуманитарно-экономического института. С 2006 по 2012 год – доцент Института парламентаризма

и предпринимательства. С 2012 года работает в БНТУ, заведующая кафедрой «Социальное управление».

Доктор исторических наук (2012), профессор (2017).

Автор более 160 научных работ, в том числе учебных пособий и монографий.

Сфера научных интересов: управление во всемирно-историческом процессе, мировая система капитализма, социально-экономическая история нового и новейшего времени, история Великобритании и ее доминионов, тред-юнионизм, лейборизм, социальный реформизм, социальное партнерство, история Беларуси.

и публицистической литературе для «клеймения» неугодных, одиозных политических систем и режимов. Но когда дело доходит до конкретных примеров, чаще приводят «два тоталитаризма»: гитлеровский национал-социализм и советский сталинизм, а далее предлагается обратиться к романам-антиутопиям Е. Замятина, Дж. Оруэлла, О. Хаксли, Р. Брэдбери и др.

Хотя наметилась тенденция и к некоторому сужению использования термина. В политических документах стран Запада и их международных организаций для обозначения противников вместо порядком надоевших «тоталитарных политических режимов» стало применяться понятие «автократия». Преимущества такой замены очевидны. Если согласно распространенным теоретическим схемам тоталитарный режим полностью подчиняет все сферы общества, то при автократии возможны автономные структуры, например гражданское общество, с которым необходимо работать, предоставляя помощь «пятой колонне».

К чести авторов пятитомной «Истории белорусской государственности», они не стали прибегать к формуле тоталитаризма. Соответствующий раздел о политической системе в 3-м томе «Белорусская государственность: от идеи к национальному государству (1917–1939)» назвали «Курс на централизацию» и подчеркнули, что «эволюция органов государственной власти и управления в административно-территориальном отношении органично сочеталась с дальнейшим нарастанием авторитарных методов в их деятельности. Как и другие слои общества, работники партийных и административно-государственных структур подвергались тотальному давлению и сами его практиковали в отношении работников подчиненных им органов» [1, с. 326].

Ранняя концепция тоталитаризма

Прилагательное «тотальный» (от латинского *totus, totalis* – весь, целый, всеобщий) давно существует в литературе, особенно в философских трактатах. В русском языке скорее всего было заимствовано из французского. Определение «тотальный» в отличие от его обыденных переводов-синонимов выглядит более научнообразно, обладает эффектом философской глубины. Это видно, например, в философской формуле «эффект тотальной целостности» (разрушение системы из полностью (тотально) однотипных элементов при отсутствии разнообразия) или в принципе «тотальной истории», выдвинутом «школой Анналов» во французской историографии (необходимость изучения всех социальных реалий, начиная от структур повседневности и заканчивая политикой, идеологией).

История происхождения термина «тоталитаризм» и его производного «тоталитарный», как правило, не вызывает дискуссий. Она восходит к итальянскому фашизму. А поскольку у него были и противники, и сторонники, первоначально и термину давались и отрицательные, и положительные оценки. По одной из версий термин «тоталитаризм» впервые употребил итальянский либерал, антифашист, публицист Джованни Амендола. Фашистскую систему правления, созданную после прихода к власти Бенито Муссолини, он назвал *sistema totalitario* (тоталитарная система) [2]. Являясь политическим противником этой системы, он придал термину негативный смысл.

Во многих источниках авторство термина «тоталитаризм» приписывается известному итальянскому философу, теоретику итальянского фашизма Джованни Джентиле. Рассуждая о том, что наконец фашизм сможет воплотить в жизнь идею о тотальном всепроникающем государстве, он настоятельно подчеркивал этический возвышенный характер такого государства и его опору на свободную личность. Он писал, что нужно преодолеть механическое, экономическое и ограничительное понимание государства. Недостаточно, чтобы государство было направлено только на «повелевание материальными благами», определение «посредством права исключительно экономической жизни человека». Необходимо, чтобы «само государство одухотворялось и поднималось к высшим моральным и религиозным идеалам».

По словам Джентиле, «истинное государство не ограничивает, а расширяет, не подавляет, а возвышает личность гражданина, не угнетает, а освобождает её» [3].

Главный принцип фашистского движения и возглавляемого им режима – примат тоталитарного государства – в одной из своих речей в 1925 году Муссолини выразил лаконичной формулой: «Всё в государстве, ничего вне государства, ничего против государства» [2].

Концепт тоталитаризма стал широко применяться в итальянских политических дебатах, заинтересовал немецких политологов и юристов, посвятивших ему ряд специальных научных работ (К. Шмитт, Э. Форстхофф). В конце 1920-х годов британская газета «Таймс», критикуя тоталитаризм, в качестве примеров его реального воплощения, пожалуй, впервые привела не только итальянский фашизм, но и советский большевизм. Возможно, термин так и продолжал бы жить в этих дискурсах, если бы не бурные политические события 1930-х годов, связанные с усилением Советского Союза, установлением нацистского режима в Германии, нарастанием угрозы Второй мировой войны. Либеральные демократии Запада четко знали своих врагов. Теперь надо было их предъявить широкой публике, при этом эффектно назвать, резко отличив от себя.

После заключения в августе 1939 года пакта Молотова – Риббентропа на Западе был большой соблазн считать родственными режимы не только Германии и Италии, но и Германии и Советского Союза. Поэтому западная пропаганда, продолжая линию газеты «Таймс», неумолимо подчеркивала их сходство. А что же наука?

В ноябре 1939 года состоялся первый симпозиум, посвященный тоталитарному государству, организованный Американским философским обществом. В центре внимания – доклад американского профессора, историка и дипломата Карлтона Дж. Хейса, в котором он проанализировал современные диктаторские режимы в Европе, серьезно отличающиеся от старых диктатур. Изобретать название не пришлось: «тоталитарные режимы», «тоталитаризмы». К ним Хейс отнес итальянский фашизм и гитлеровский нацизм. Доказывал, что тоталитаризм – это феномен капиталистической системы, рыночной экономики, западной цивилизации. По его мнению, Советский Союз был совершенно другим типом общества, отнести его политический режим к тоталитаризму не было никаких научных оснований [2].

Австрийский писатель Франц Боркенау, известный как один из пионеров теории тоталитаризма, в 1940 году опубликовал работу с красноречивым заглавием «Тоталитарный враг». В ней он осуществил сравнительный анализ немецкого национал-социализма и советского большевизма, увидев их парадоксальное сходство. Как отмечал в рецензии Джордж Оруэлл, Боркенау не отрицал, что немецкий нацизм есть проявление «разнузданного капитализма» (Гитлер – марионетка, Тиссен – кукловод), а советский строй – однозначно социалистический. Но как бы больно ни было социалистам, оказавшимся в застенках гестапо, Боркенау сделал вывод, что «национал-социализм – действительно форма социализма, подчеркнута революционная, действительно давит собственника так же, как рабочего. Два режима, начавшие с противоположных концов, стремительно перерастают в одну и ту же систему – некий олигархический коллективизм». Кстати, в этой связи Оруэлл заметил, что «страна, особенно, бедная страна, которая ведет „тотальную“ войну или готовится к ней, должна быть в каком-то смысле социалистической» [4].

До Второй мировой войны вполне сложилась ранняя концепция тоталитаризма. С одной стороны, свои взгляды высказывали его строители – сами фашисты. Однако общепризнанно отсутствие в фашизме теоретической глубины, в отличие от либерализма, консерватизма и особенно марксизма – основы социализма. Противники тоталитаризма, антифашисты: и социалисты, и либералы, даже если и видели сходство между фашизмом и советской системой, все же различали их общественно-экономическое устройство, капиталистическое и социалистическое соответственно.

Классическая концепция тоталитаризма

Во время Второй мировой войны с образованием антигитлеровской коалиции, когда Великобритания и США были главными союзниками СССР, советский строй «исключили» из тоталитаризма. После победы над фашизмом с началом холодной войны формируется классическая концепция тоталитаризма. Ее теоретической основой стали работы Ф. Хайека «Дорога к рабству» (1944), К. Поппера «Открытое общество и его враги» (1945), Т. Адорно «Авторитарная личность» (1950), Х. Арендт «Истоки тоталитаризма» (1951), К. Фридриха и З. Бжезинского «Тоталитарная диктатура и автократия» (1956) и др. В отличие от ранней классическая концепция тоталитаризма была заточена на «доказательствах» тоталитарного характера фашистских и советского политического режимов («два тоталитаризма»). Тоталитаризм противопоставлялся либерально-демократической модели. Резко негативная оценка тоталитаризма, усилившаяся после разгрома и осуждения фашизма, превратила концепт в мощное идеологическое оружие Запада в психоинформационной войне против СССР и коммунизма. Отнесение к тоталитарному типу означало приравнивание к фашизму, что в глазах либерально-демократической общественности Запада было сродни абсолютному злу.

Теоретики-классики находили разные аргументы и выстраивали концептуальные схемы. В 1990-е годы, с распадом СССР, эти схемы вместе с переведенной и изданной литературой пришли и к нам, «очаровав» нас стройностью и простотой манипулятивной «мягкой силы» Запада. Сегодня эти схемы, выходя из влияния западной культурной матрицы, легко и просто опровергаются.

Выполняя идеологическую задачу, западные авторы критиковали социалистические идеи, воплощение которых, по их мнению, неизбежно порождает тоталитарное социалистическое устройство.

Австро-американский экономист, лауреат Нобелевской премии Ф. Хайек считал, что либерально-демократические идеи обусловлены простым следованием инстинктам, а разнообразные социалистические идеи, включая национал-социализм, исходят из велений разума. Опора на такие разумные идеи, по его мнению, и есть дорога к рабству, т. е. тоталитаризму. Хайек писал: «Конфликт между сторонниками (с одной стороны) спонтанного расширенного человеческого порядка, создаваемого рыночной конкуренцией, и теми (с другой стороны), кто выступает за сознательную организацию человеческих взаимоотношений центральной властью, опирающейся на коллективное распоряжение имеющимися ресурсами, вытекает из фактической ошибки последних в понимании того, как возникают и используются знания об этих ресурсах... Следуя спонтанно складывающимся нравственным традициям, лежащим в основе конкурентного рыночного порядка (а эти традиции не удовлетворяют канонам и нормам рационализма, принятым у большинства социалистов), мы производим и накапливаем больше знаний и богатства, чем возможно добыть и использовать в централизованно управляемой экономике, приверженцы коей претендуют на строгое следование разуму» [5, с. 16–17].

Хайек не только признает, но и восхищается человеком западной капиталистической системы, завуалированно называемой им «расширенным порядком человеческого воспроизводства», который только и может следовать инстинктам, спонтанно складывающимся нравственным традициям. Это и есть простой, одномерный, «маленький» человек, как увидела его европейская литература (Х. Ортега-и-Гассет «Восстание масс», Х. Фаллада «Маленький человек, что же дальше?»). Фашизм и стал бунтом этого человека, дав ему опору в виде чувства «крови, почвы и веры». Социализм же апеллирует к «большому» человеку, который «звучит гордо», который должен сознательно развиваться до человека «нового типа». Именно такой человек рационально и духовно организует мир вокруг себя на принципах справедливости. Заметим, что «расширенный человеческий порядок» Запада никогда не создавался спонтанно. Это была вполне рациональная борьба со всем миром и подчинение его своим интересам. Хайек прав в том, что назвал такой порядок расширенным. Капитализм как система может существовать, только расширяясь за счет других. Поэтому он и накапливает больше знаний и богатств. И кто здесь более тоталитарен: социализм

в «одной отдельно взятой стране», который развивал своего «большого» человека, или либерально-демократический капитализм, который «железной пятой» вполне тоталитарно подчинил себе весь мир, низведя всех до состояния «маленького» человека?

Стремительно учрежденные в постсоветских республиках фонды влиятельного финансового спекулянта Дж. Сороса «Открытое общество» так же быстро распространили книгу его кумира К. Поппера «Открытое общество и его враги», впервые опубликованную огромным тиражом в России в 1992 году. Всё многообразие когда-либо существовавших обществ Поппер сводит к трем типам: традиционное, закрытое (тоталитарное) и открытое (либерально-демократическое). Критерием их выделения является доминирующий тип мышления: в традиционном обществе – традиционный, закрытом – догматический, открытом – критический. Догматический тип мышления исходит из доктрины, которая не терпит критики и альтернатив, превращаясь во всеохватывающую абстракцию. Взяв на вооружение догму, определенная группа осуществляет свое господство, обеспечивая и свое собственное, и господство догмы за счет тотального принуждения. Идею тоталитарного закрытого общества, по мнению Поппера,

Коллаж Ольги Кирильчик

обосновали в своих трудах такие выдающиеся мыслители, как Платон, Гегель и Маркс, учения которых он назвал «историцизмом», а их самих – «врагами открытого общества». К закрытому типу общества Поппер, конечно же, отнес «два тоталитаризма». Как он подчеркнул в предисловии к русскому изданию своей книги, «она была направлена против нацизма и коммунизма, против Гитлера и Сталина» [6, с. 5]. Выделенные им типы обществ – такие идеальные типы, о которых еще М. Вебер – автор этой методологии – предупреждал, что в реальной жизни они не встречаются. Как собственно и идеальное государство, по мнению Платона, лишь мыслительная конструкция. «На это-то я и сетую, – писал Платон, – что ни одно из нынешних государственных устройств недостойно природы философа» [3]. В аргументации Поппера подкупала простота, которая сопровождалась однозначными оценками: закрытое общество (негативное) – это непременно советское, а открытое (позитивное) – западное. Критикуя догматику историцизма, Поппер сам ее же и создал, полностью абстрагировавшись от сложной, многоплановой, многомерной структуры любого общества.

Критикуемым социалистическим идеям, опиравшимся на коллективизм, их оппоненты ставили в противовес идеологию либерализма, воспевавшую индивидуализм. На этом

фоне Х. Арендт истоки тоталитаризма увидела в крайней степени разобщенности индивидов. Она полагала, что «тоталитарные движения – это массовые организации атомизированных, изолированных индивидов». «Социальная атомизация и крайняя индивидуализация предшествуют массовым движениям» [7, с. 421]. Эта тенденция характерна для капиталистической западной цивилизации и хорошо представлена в литературе. Она действительно стала важным фактором развития фашистских движений и утверждения фашистских режимов. И с течением времени она все более усиливается. Осмысление концепции Х. Арендт подводит к тому, что в первой половине XX века действительно только намечались истоки тоталитаризма, а в полную силу он вступает гораздо позже.

К настоящему времени написано много литературы, в которой аргументированно доказывается, что фашизм и тоталитаризм являются порождением исключительно западной цивилизации, ее капиталистической системы, разрывающей социальные связи общин-корпораций, приводящей к атомизации социума, отдельные атомы-индивиды которого попадают под тотальную власть денег и рынка. Известный философ А.А. Зиновьев писал, что только западная цивилизация, «западнизм», «тоталитарна в самой своей основе». Банковская система превратилась в «денежный тоталитаризм», в котором вынужден участвовать каждый. «Капитализм стал тотальным. Общество в целом стало превращаться в единый капитал» [8, с. 123–124].

Максимально приспособленной для использования в качестве информационного оружия и дидактической схемы оказалась концепция К. Фридриха и З. Бжезинского, ставшая основой американской школы тоталитаризма. Тоталитаризм был отнесен к типу политического режима, которому свойственны шесть базовых характеристик: 1) гегемония единственной массовой партии, возглавляемой харизматическим лидером; 2) официальная идеология, которая должна признаваться всеми; 3) монополия государства на СМИ; 4) монополия на все средства вооруженной борьбы; 5) система террористического полицейского контроля; 6) централизованная система контроля и управления экономикой [2]. Исследователи тоталитаризма на основе перечисленных базовых характеристик предложили множество ярких образных метафор. Например, немецкий политолог Р. Заге является автором популярных моделей «Бегемот Гитлера» и «Левиафан Муссолини». Персоналистский Бегемот подчиняет государственные институты правящей клике и вождю. В фашистской Италии, франкистской Испании представители фашистского движения овладевают государственным аппаратом и превращают его в тоталитарного Левиафана, заодно расширяя и укрепляя свое движение. Этатистский Левиафан порождает тотальную бюрократизацию общественной жизни.

Несостоятельность концепций тоталитаризма

Характеристики и модели тоталитаризма «метко» разили в пропагандистских целях, легко заучивались на учебных занятиях, но не только не объясняли, но даже и не описывали сущность именно тоталитарного политического режима. Потому что предложенные характеристики свойственны практически всем государствам в определенные периоды времени, даже либерально-демократическим странам Запада и в прошлом, и в настоящем.

Победившая партия на время вполне становится гегемоном. Многие партии на Западе настолько похожи, финансируются из одного источника, что в составе партийной системы представляют единую массовую партию. Как раз в Советском Союзе коммунистическая партия не была политической партией западного типа, а являлась принципиально иной управленческой структурой. Вне зависимости от признания в любой стране существует официальная доминирующая идеология. Культивируемый «плюрализм мнений» – всего лишь элемент либеральной капиталистической идеологии. Данная характеристика тянет за собой следующую характеристику – монополию на СМИ. Ее осуществляет либо государство, либо частные структуры, по сути монополизировавшие само государство. Монополия на

применение насилия является сущностным признаком самого государства. Поэтому любое государство всегда обзаводится вооруженными силами, правоохранными органами, спецслужбами. При необходимости любое государство прибегает к системе жесткого террористического полицейского контроля. Именно эта характеристика максимально выпячивалась в «двух тоталитаризмах». Во время войн и других тяжелых ситуаций всегда вводится централизованная система контроля и управления экономикой. А в обычное для капитализма время разве не банки и финансовый капитал ее осуществляют?

В школьных учебниках по обществоведению, в вузовских пособиях по политологии, используемых в учебном процессе в нашей стране, политические режимы иллюстрируются яркими лаконичными афоризмами. При демократии «Разрешено всё, что не запрещено законом», при авторитаризме «Разрешено всё, кроме политики», при тоталитаризме «Запрещено всё, что не разрешено (приказано)» [9, с. 36]. Формула демократии удивительно привлекательна для простого, «маленького», атомизированного человека. Если оставить за скобками пояснение «что не запрещено законом», тогда это «всё дозволено». А здесь уже перечеркиваются нормы морали, религии, культуры, здесь не учитывается совесть и человечность. Формула авторитаризма не согласуется с выработанным веками пониманием политики. Как можно запретить то, что неизбежно при социальности, при наличии общностей, групп, в которых живет и действует человек? Как подчеркнул французский политолог Ж. Бурдо, «политика является выражением сущности группы» [10, с. 21]. Можно запретить партии, общественные организации, профессиональные союзы, но невозможно запретить политику как свойство, форму общественного сознания, отношения в группе и обществе в целом. Запрещая политику среди граждан, авторитарное государство должно запретить и политику, проводимую им самим, свою функцию, значит, и само себя. Формула тоталитаризма является логическим продолжением сказанного. Если невозможно запретить политику, то как можно запретить всё?

Сторонники классической теории тоталитаризма, выделив тоталитарный тип политического режима, попали в философскую ловушку. Тоталитаризм в качестве социальной тенденции может полностью проявиться только в результате целостного охвата всего и всех, т. е. человечества в целом. В условиях глобализации как политический режим отдельной страны он организационно-технологически невозможен потому, что есть другие страны и народы, да и внутри отдельной страны есть другие сообщества, которые оказывают влияние, не давая сомкнуться «железной хватке» тоталитарной тенденции.

Среди многочисленных категорий для изучения государства политический режим является третьим элементом формы государства наряду с формой правления и формой государственно-территориального устройства. Под политическим режимом понимается степень концентрации или характер распределения власти, условия ее формирования и поддержания в общественном сознании, пределы применения и распространения власти на общественные отношения, на человека [11, с. 297]. Притом что категория политического режима характеризует методы властвования, внутренний, неформальный аспект государственного механизма, – это формальная категория (форма политического режима), но с претензией на содержание и целостный охват всего государственно-общественного организма. Как заметил французский политолог Р. Арон, «политический режим формируется особым сектором социальной совокупности. Особенность такого сектора – в том, что он определяет целое». То есть политический режим формируется и проявляется всего лишь в некотором сегменте общества, но определяет собой целое. Поэтому классификация политических режимов необычайно сложна. По мнению Г.В. Голосова, она «должна в максимально возможной степени сочетать теоретическую последовательность с эмпирической адекватностью» [11, с. 299].

Ясно, что не только термин «тоталитаризм», но и привычные «демократия» и «авторитаризм» весьма слабо характеризуют многообразие реальных политических режимов. Они не отражают содержание механизма властвования, в котором большую роль играют правящие элиты, их целеполагание, система ценностей, социально-классовый характер и отношение к собственности. Важнейшим определителем политического режима, нервом общественной жизни является вектор взаимоотношений власти и собственности.

В этой связи термины «олигархический политический режим», «диктатура финансово-монополистического капитала», «автократия торгово-силовых кланов» и т. д. яснее отражают существо дела, чем, например, «парламентская демократия», «правый тоталитаризм», «поздний бюрократический тоталитаризм» и т. д.

Важнейшую роль играет цивилизационная составляющая. Западная политология придала характеристикам западной политической модели и отдельных западных стран универсальное значение, распространяющееся на всех без учета их политического опыта и исторических традиций. Российская самодержавная империя, советское общенародное государство, исламский политический порядок «таухид», китайская империя, индийская кастовая система с позиции Запада недемократичны. Действительно, в них не действует западный принцип разделения властей, напротив, есть стремление к соединению властей, укрепляющему народ и государство, вместо парламентской формы правления устанавливается сильная власть главы государства. Нет конкурирующей среды на политическом рынке по аналогии с экономическим рынком, которая проявляется в партийно-политической борьбе, потому что нет всевластия этой капиталистической рыночной системы, есть стремление к согласию государства и народа, к одобрению власти со стороны народа (безальтернативные выборы, отсутствие партий западного типа). Понятийный аппарат современной западной политологии крайне беден для выражения цивилизационного разнообразия политических режимов. Еще А.С. Пушкин прозорливо предупреждал: «Поймите же и то, что Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европою, что история ее требует другой мысли, другой формулы» [12, с. 10]. По меткому выражению ученого И.Р. Пригожина, стоявшего у истоков синергетики, «нельзя выразить мир на одном языке».

Тоталитарная тенденция мирового политического процесса

Невозможность установления тоталитаризма в одной отдельно взятой стране подтверждается наличием мирового политического процесса и многоэшелонированной системой власти и управления. Виды политической власти функционируют будучи взаимовложенными друг в друга и подчиненными друг другу по принципу иерархии. Как говорил древнегреческий философ Плутарх, «ты правишь, но и тобой правят». Недаром общепринятой метафорой политической власти служит треугольник или пирамида. Важное место в иерархии политической власти занимает государственная власть. Но политическая власть шире государственной. Над государственной властью находится идеологическая власть, в соответствии с которой функционируют все ветви государственной власти. А поскольку идеологий много, порой они согласуются, а порой и противоречат друг другу, логично предположить более высокий уровень властной иерархии, импульсы от которого идеологическая власть собственно и облекает в понятные идеи-формулы прикладного знания, необходимых и управленцам, и массам.

Высшим, глобальным уровнем политического управления является концептуальная власть. Сегодня ни одно государство современного мира не обладает полной функцией управления, работая в качестве корректора (поправщика) на нижних этажах управления. А верхние этажи находятся во власти предиктора (предуказателя), по своей сути глобального предиктора, концептуальной власти которого вынуждены подчиняться все страны, в терминах кибернетики, вынуждены замыкаться на данный второй контур управления. При этом неважно, понимают они это или нет, действуют сознательно или бессознательно. Но, как говорится, незнание закона не освобождает от ответственности им предусмотренной. По словам К.П. Петрова, «для концептуальной власти безразлично, работают на неё те или иные структуры, структурно подчинены ей или замкнуты на неё в обход сознания общественные деятели („хотели как лучше, получилось как всегда“). Ей безразлично, создаются для реализации основных идей концепции новые структуры или приспособляются ранее созданные. Если действующие властные структуры государства не замечают всевластие концептуального центра, то это

не означает, что его нет вообще. Он формирует тенденции развития и реализует властные полномочия с надгосударственного уровня через замкнутую (подчиненную) на него прямо, либо в обход сознания, управленческую периферию» [13, с. 10].

При этом наличие мирового управления как раз и свидетельствует о возможности установления тоталитаризма на всей планете. Для этого необходимы: с одной стороны, единый концептуально властный центр (мировое правительство), с другой стороны, манипулируемый массовый одномерный человек, абсолютно «убежденный» (побежденный) в правоте такого мироустройства. На первоначальном этапе контроль за таким человеком будет осуществляться на основе информационно-коммуникационных технологий в «цифровом концлагере». Впоследствии он отпадет сам собой, когда эти и другие технологии доведут манипулирование общественным сознанием до совершенства. Тогда все будут одинаково мыслить (не мыслить). Как рассуждает герой романа «1984» Дж. Оруэлла, «...мысли – вот наша забота. Мы не просто уничтожаем наших врагов, мы их переделываем. Мы не довольствуемся негативным послушанием и даже самой униженной покорностью. Когда вы окончательно нам сдадитесь, вы сдадитесь по собственной воле» [14, с. 185]. На таком фоне застенки инквизиции, австралийской каторги, Берёзы Картузской, гестапо, ГУЛАГа, Гуантанамо и так далее покажутся всего лишь страшными и жестокими методами наказания. Тоталитаризм не остался в прошлом, он может реализоваться в обозримом будущем.

Статья поступила в редакцию 14.03.2023 г.

[СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ]

1. История белорусской государственности: в 5 т. / Национальная академия наук Беларуси, Институт истории; редкол.: А.А. Коваленя (гл. ред.) и др. – Минск: Беларуская навука, 2019. – Т. 3: Белорусская государственность: от идеи к национальному государству (1917–1939) / отв. ред. тома В.Г. Мазец, Н.В. Смехович, С.А. Третьяк. – 639 с.
2. История концепции тоталитаризма и тоталитарной идеологии. Модели и критика тоталитаризма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dzodzo.ru/socialsciencesub/istoriya-koncepczii-totalitarizma-i-totalitarnej-ideologii-modeli-i-kritika-totalitarizma/>. – Дата доступа: 02.02.2023.
3. Раковский, А.В. Был ли СССР тоталитарным государством? [Электронный ресурс] / А.В. Раковский // Livejournal. – Режим доступа: <https://ss69100.livejournal.com/4584718.html>. – Дата доступа: 12.01.2023.
4. Оруэлл, Дж. Рецензия на книгу Франца Боркенау «Тоталитарный враг» [Электронный ресурс] / Дж. Оруэлл // Livejournal. – Режим доступа: <https://new-rabochy.livejournal.com/1435291.html>. – Дата доступа: 05.02.2023.
5. Хайек, Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / Ф. Хайек; пер. с англ. – М.: Новости: Catallaxy, 1992. – 304 с.
6. Поппер, К. Открытое общество и его враги: в 2 т. / К. Поппер. – М.: Культурная инициатива: Феникс, 1992. – Т. 1: Чары Платона. – 446 с.
7. Арндт, Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арндт; пер. с англ. – М.: ЦентрКом, 1996. – 672 с.
8. Зиновьев, А.А. Запад. Феномен западнизма / А.А. Зиновьев. – М.: Центрполиграф, 1995. – 461 с.
9. Кушнер, Н.В. Обществоведение. 10 класс: опорные конспекты, схемы и таблицы / Н.В. Кушнер, Е.А. Полейко, И.П. Бернат. – Минск: Аверсэв, 2021. – 112 с.
10. Желтов, В.В. Политическая наука: понятие, объект, предметное поле / В.В. Желтов, М.В. Желтов. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. – 184 с.
11. Голубева, Л.А. Сравнительное государствоведение / Л.А. Голубева, А.Э. Черноков. – СПб.: ИВЭСЭП: Знание, 2009. – 557 с.
12. Я русский! Хрестоматия русского национального характера / авт.-сост. В.В. Аристархов. – М.: Вече, 2019. – 304 с.
13. Петров, К.П. Тайна концептуальной власти / К.П. Петров. – Новосибирск: ГРПО СО РАСХН, 2000. – 66 с.
14. Оруэлл, Дж. 1984: сочинения: в 2 т. / Дж. Оруэлл; пер. с англ. Д. Иванова, В. Недошивина. – Пермь: Капик, 1992. – Т. I: 1984. Скотный двор. – 304 с.